

Таким образом, дзэнские искусства, гармонично сочетающие развитие телесных и духовных качеств человека, и по сей день оказывают непосредственное влияние на культуру Японии.

Библиографический список

1. Судзуки Д.Т. Введение в дзэн-буддизм <http://psylib.org.ua/books/sudz01/index.htm> (20.01.2010)
2. см. Самохвалова В.И. Психотренинги в дзэнских искусствах как отражение психологии дзэн // Ориентиры. М., ИФРАН, 2001
3. там же, с. 86
4. Cox, Rupert A. The Zen Arts: an Anthropological Study of the Culture of Aesthetic Form in Japan. London, "RoutledgeCurzon", 2003, p. 71
5. Дрэггер, Донн Ф. Современные будо и будзюцу. <http://ki-moscow.narod.ru/litra/bi/drag/sovrem.htm> (12.12.2009)
6. Самохвалова В.И. Психотренинги в дзэнских искусствах как отражение психологии дзэн // Ориентиры. М., ИФРАН, 2001
7. там же, с. 95
8. Cox, Rupert A. The Zen Arts: an Anthropological Study of the Culture of Aesthetic Form in Japan. London, "RoutledgeCurzon", 2003, p. 71
9. там же, с. 78
10. Судзуки Д.Т. Введение в дзэн-буддизм <http://psylib.org.ua/books/sudz01/index.htm> (20.01.2010)
11. Cox, Rupert A. The Zen Arts: an Anthropological Study of the Culture of Aesthetic Form in Japan. London, "RoutledgeCurzon", 2003, p. 70
12. Дрэггер, Донн Ф. Современные будо и будзюцу. <http://ki-moscow.narod.ru/litra/bi/drag/sovrem.htm> (12.12.2009)
13. там же
14. подробнее см. там же

М.В. Чапаева

Красота лица как онтологическая проблема

Красота – в христианском понимании категория онтологическая, она неразрывно связана со смыслом бытия. Отсюда следует, что существует только одна красота – Красота Истинная, Сам Бог. И всякая красота земная – есть только образ, в большей или меньшей степени отражающий первоисточник.

Онтологическое понимание красоты противостоит эстетическому как «увнешневляющему»: языческий мир обожествлял все, даже красоту. Поэтому для сочинений ранних христианских апологетов характерны антиэстетические тенденции. Для христианина ясно, что отвлеченная категория "прекрасного" теряет свой смысл вне понятий «доброта», «истина», «спасение», причем и эти последние не есть следствие исполнения десяти заповедей – христиане верят не

в "благообразность" христианства, а в Христа Распятого. Все соединяется Богом в Боге, остальное – безобразно. Остальное и есть ад крошечный. Лицо просветленного человека обращено к Богу: такое лицо несёт Истинную Красоту и потому не может не быть некрасивым, безобразным.

Так, П. А. Флоренский осознал «эстетичность» как «самый глубокий» признак бытия, а красоту — как силу, пронизывающую все слои бытия «поперек» [9, с.585-586]. Близок к нему в этом плане был и А. Ф. Лосев. Однако если для Флоренского, как для сугубо религиозного мыслителя, красота более всего выражалась в религии, то Лосев видел ее наиболее адекватное проявление в искусстве. Поэтому если философствование и эстетика Флоренского имеют ярко выраженную богословскую окраску [3, с.323], то философия Лосева практически вся построена в эстетическом модуле.

Большое влияние на формирование представления о красоте лица оказали исторические особенности эволюции и формирование полярных представлений об истинной красоте лица человека, выраженные в национальных чертах русского характера: мечтательность, мистическая одаренность, склонность к созерцательности. Всё это - особый дар русской духовности и культуры, пребывающих в постоянной небесконфликтном диалоге. На одном полюсе - красивое лицо, нередко соседствующее с величественным, чрезмерным, избыточным. Это связано с эстетизацией строгой формы, жесткого канона – например, строгих канонов иконописи. Эти каноны были призваны передать Истину, явленную в образе Иисуса Христа, Сына Божия, ставшего человеком и пришедшего в мир, чтобы исполнить закон и отдать Себя Самого на заклание. Именно это исполнение, эту реальность, Истину, имеющую свой образ, и следовало показывать всем, ибо она не идея, не абстрактная формула, она — конкретное, живое Лицо, распятое при Понтии Пилате. Истина — Личность, Истина — образима, поэтому Церковь показывает Истину — через лицо Иисуса Христа, а изображение собственно лица *«сводит к минимуму деталей при максимуме выразительности»* [8.]

На другом же полюсе - воспроизведение красоты лица через «рабский вид», бедность, бессребреничество, скитальчество, странничество и странность, страдание, убожество, скромность, немощность, «жалкость» (юрodieвые), в сочетании с эстетизацией бесформенности, ничем не скованной и не ограниченной воли, мягкости душевной и духовной жизни по принципу «дух веет, где хочет». Так, А.Ельчанинов и П.Флоренский отмечали, что «русский народ, в своей религиозности, живет со Христом страдающим, а не с воскресшим и преображенным. Православный поэтому никогда не судит по наружности. Он не торопится осуждать и возмущаться, он даже чувствует какую-то внутреннюю симпатию к пьяным, нищим, оборванным, неученым и просто дурачкам» [5, с.182].

В недрах христианского сознания коренится идея о том, что в каждом из нас живет человек «внешний» и «внутренний», и лицо, поэтому имеет красоту «внешнюю» и «внутреннюю». Классики русской литературы изображают любимую героиню, как правило, не красивой внешне, но обладающую «внутренней» красотой, особенно выделяя «светлое, прекрасное лицо, красота которого распространяется вовне “внутренним светом” человека» [9,с.17], и противопоставляя ей внешнюю красоту лица – лица, в котором, по П. Флоренскому, «прелестные образы будоражат страсть, но опасность — не в страсти, как таковой, а в ее оценке, в принятии ее за нечто, прямо противоположное тому, что она есть на самом деле» [9, с.21].

Николай Бердяев отмечает, что красота лица в христианском понимании может быть осмыслена и постигнута и через религиозно-нравственное совершенствование. Но сама красота может быть определенным символом, если она «отождествляется с иным миром» [2,с.71]. В русской традиции религиозно-нравственное сознание определяет путь к искуплению и святости как единственный путь к тайнам бытия. Прошедшему такой путь раскрывается высшая красота как дар за святость. И только тогда он может творить, красоту пропуская ее через себя. «Романтическое христианское искусство видит неземную красоту в самой незавершенности, незаконченности, в этой устремленности к прорыву за пределы этого мира» [2,с.118].

Бердяев, утверждает феномен красоты лица как неразделенный на добро и истину, ее самостоятельное место в божественной жизни. Показать истинную красоту лица всеми возможными и допустимыми средствами - цель не только творческого пути художника, но и целью его жизни. «И цель последняя – не красота как культурная ценность, а красота как сущее, т.е. претворение хаотического уродства мира в красоту космоса» [2,с.173]. Чтобы познать красоту лица, надо быть в нее посвященным. Природа красоты – онтологическая и космическая. Но все определения красоты, по мнению Бердяева – формальны и частичны. *Красота в своей последней сущности неопределима, красота – великая тайна. В тайну красоты должно быть посвященным, и вне посвящения она не может быть познана.*

Сергий Булгаков отождествляет лицо и его красоту с откровением Софии, а осмысление - с наиболее полной реализацией софийного бытия. «София открывается в мире, как красота, которая есть ощутимая софийность мира» [1,с.199]. Красота лица во всех ее природных проявлениях – это «сияние Софии, изнутри освещающее костную плоть и „материю“» [1,с.199]. Своим зросом красота лица возводит человека к небесным первообразам, напоминает о его родстве с миром духовным. По мнению С.Булгакова, только святые и художники могут распознать красоту лица в ее полном проявлении, и, соответственно, увидеть саму софийную красоту.

Если вглядываться в красоту лица живого человека и осмыслять ее через портреты, то «красота в природе и красота в искусстве, как явления божественной Софии, Души мира, имеют одну сущность» [1,с.221]. Но философ замечает, что жизнь с постоянной, неизменной красотой трудна, так как красивое лицо двояко. С одной стороны, красота тянется к свету, к Софии, она природна, а с другой – является греховной подделкой, потому что накладывается на лица определенный отпечаток тьмы - так называемую греховную маску. Человек стремится к красоте лица, к ее выражению и проявлению, так как в глубине души человек идеально красив, ибо изначально наделен «высшим Я», гениальностью и принадлежностью к «лучу Софии». Но проявление гениальности возможно только тогда, когда через творчество человек обретает софийность и красоту подлинного, вечносущего лика. Красота двойственна по своей природе, и если доминирует стремление к внешней красоте лица, то, считает Булгаков, такая красота является поддельной и «ядовитой приманкой греховности», [1,с.200] и губит человека. Красоту лица, которая оторвана от святости и духовности, С. Булгаков называет «красивостью», которая, губительно действует на человека. Если в красоте лица выражена «первоначальная идеальность» и внутренне она приближена к Софии, то она может привести к реальному преображению всего человека, а впоследствии и мира. «„Красота спасет мир“ — это значит, что мир станет ошутительно софиен, но уже не творчеством и самотворчеством человека, а творческим актом Бога, завершительным „добро зело» твари, изливанием даров Св.Духа» [1,с.212].

Красивое лицо не может восприниматься вне эстетических категорий. По мнению С.Л.Франка, красивое лицо является «неким сплошным, слитным, проникнутым *внутренним единством* целым» [11.]. Прекрасное лицо невозможно разложить на компоненты, чтобы проанализировать каждый из них в отдельности, его можно только созерцать подобно образу или картине. И если человеку удастся исключить из сиюминутного сознания предметную компоненту окружающего мира, то он сможет воспринять реальность как прекрасное.

Красивое лицо воспринимается как единое целое, без деления на внутренний и внешний образы человека. Красота лица усиливается и становится более проявленной, если «во внутренней согласованности и соразмерности отдельных составных частей единства возникает некая гармония». [11] *Гармония придает красивому лицу законченность, большую выразительность и приближает его к абсолютной ценности.* Такое восприятие красоты лица лежит в основе осмысления предметного мира и свидетельствует о единении между этим миром и внутренним бытием человека. Однако если учитывать эстетический опыт, то как замечает С.Л.Франк, в подлинной реальности такое единение внутреннего и внешнего будет недостаточным, так как реальная

жизнь постоянно сталкивает человека с иллюзиями, создаваемыми вокруг него самим предметным миром. И в этом смысле понятие «красота лица» приближено к понятию «облик».

Красота лица участвует в различении человека и является чем-то нормальным и даже обязательным, по словам *В. Соловьева*, «в нравственной деятельности, и в знании, и в чувстве, и в художественном творчестве, исходящем из чувства» [7.]. Красота лица и его гармония составляют значимый элемент Божества. Душа является носителем красоты. *Единство трех путей человека – души, ума и духа – есть выражение в лице человека истинной красоты, обращенной к Божественной сущности как единой. Красота, выраженная в лице есть воплощение чувственных форм, называемых Добром и Истиной.* «Красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мир» [6,с.238]. Философ выделяет в человека природную красоту лица, которая «облекает мир своим лучезарным покрывалом» [6,с.238] и сохраняется неизменной как образец, принадлежащий определенному роду или виду, а также красоту лица внутреннюю духовную и внешнюю вещественную. Все эти три элемента связаны между собой и составляют единое целое, так как дух не способен дать своему внутреннему содержанию внешнее проявление, которое чаще всего выражается на лице человека. Таким образом, красота лица признаётся Соловьевым иллюзией, смысловое воображение самого человека.

Итак, красота в понимании русских философов есть категория онтологическая, неразрывно связанная со смыслом бытия. Отсюда следует, что существует только одна красота – Красота Истинная, Сам Бог. И всякая красота земная есть только образ, в большей или меньшей степени отражающий первоисточник. Онтологическое понимание красоты в данном случае противостоит эстетическому. Несомненной заслугой русских философов является то, что они осмыслили нравственные основы красоты лица как воплощение чувственных форм Добра и Истины.

Библиографический список

1. *Булгаков С.* Свет не вечерний. Созерцания и умозрения [Текст] / С. Булгаков. М., Республика, 1994. 415 с.
2. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества [Текст] / Н. А. Бердяев / Прил. к журн. «Вопросы философии». М.: Правда, 1989. 607 с.
3. *Бычков В.* Софиология искусства С.Н.Булгакова[Текст] //В.Бычков//Искусствознание. №2 . М., с.321-343
4. *Бычков В. В.* Эстетический лик бытия (Умозрения Павла Флоренского) [Текст] / В. В. Бычков. М.: Знание, 1990. Серия «Эстетика» №6. 64 с.
5. *Ельчанинов А.* История религии [Текст] / А. Ельчанинов, Ф. Эрн, П. Флоренский, С. Булгаков. М.: Русский путь / YMCA-Press, 1991. 256 с.
6. *Соловьев В. С.* Чтения о Богочеловечестве [Текст]: ст./ В. С. Соловьев// Соч. СПб.: Художественная литература, 1994. 384 с.

7. *Соловьев В. С.* Сочинения [Текст] / В. С. Соловьев; сост., авт. вст. ст. и прим. А. В. Гулыга. М.: Раритет, 1994. 448 с.
8. *Успенский Л.* Богословие иконы Православной церкви [Текст] / Л. Успенский. Изд-во братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. 480 с.
9. *Флоренский П. А.* Иконостас [Текст] / П. А. Флоренский // Подг. текста и коммент. А.Г. Дунаева. М.: АСТ, 2003. 203 с.
10. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. [Текст] // Вступит статья С.С. Хоружего М.: 1990, 840с.
11. *Франк С. Л.* Непостижимое. Сочинения [Текст] / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. 748 с.

Е.Ж.Шуплецова

Жилище как символ целого

Если спросить разных людей, что они понимают под словом «жилище», то наверняка, можно получить ответы, которые не будут замыкаться только на понятиях «жилой дом», «квартира», кто-то скажет что наш дом – Вселенная, кто-то – страна или, конкретнее, Урал, другой –город...

«Человек идет по городу. Он словно песчинка, брошенный в большой поток пешеходов и транспорта. Этот поток шумно несется по улицам, проспектам, площадям, образуя реку городской жизни, реку, «берегами» которой являются тысячи домов от «малышей» до «гигантов». Они словно книги на библиотечной полке: одни изданы давно - достигают почтенного возраста и успели уже несколько запылиться; другие построены совсем недавно и пахнут еще краской; третьи – свидетели глубокой старины, чей возраст наложил отпечаток и на формат, и на шрифт, и на стиль изложения»[3,с.128] И улица у каждого своя: в пределах деревни, поселка, района, которые, сплетаясь, имеют каждая в отдельности свои строения, создавая неповторимый облик, образуя лицо и характер города.

Границы понятия жилища подвижны во времени и исторически обусловлены: создаваясь как одна из форм защиты человека от действия внешней природы, исходная форма которых «естественные укрытия, прибежища от непогоды – пещеры и навесы из скал в горах, кустарник, большие дупла и раскидистые ветви на высоких и толстых деревьях. Такие виды жилья, созданные природой, послужили для человека образцом всех его построек. Зависели они от географического положения или, точнее, природных условий обитания. Здесь надо иметь в виду, что географическая среда, климат, ландшафт, многое определяют в становлении типа жилища..., влияя на миропонимание человека»[5] .

«С появлением жилища среда, окружавшая человека, получила своеобразную точку отсчета, и хотя это произошло очень давно, многие